

северных русских диалектах широко представлены формы типа *знаш, знат*. Гласный же [y] контракции не подвержен, поэтому формы типа **знам* в русском как будто не зафиксированы.

Таким образом, остается пожалеть, что в книге Л. Янды когнитивному подходу оказано предпочтение перед остальными. Станным также выглядит отсутствие ссылок на работы Г. Пауля и Г. Хёнигсвальда, давно признанные классическими описаниями общих процессов языковых изменений, и на книгу В.К. Журавлева, в которой с математической тщательностью представлена интерпретация исторических изменений славянской морфологии, в том числе и тех вопросов, которых касается Л. Янда.

Следующий раздел посвящен стяжению славянских основ на **-о-* и **-и-*. В этой связи автор отмечает, что сам класс на **-и-* в церковно-славянском неустойчив. Только 6 существительных склоняется по этой парадигме во всех известных церковнославянских текстах: СЫНЪ, ВЪРХЪ, ВОЛЪ, ДОМЪ, МЕДЪ, ПОЛЪ. 6 существительных встречается с флексиями того же склонения в 6 или более памятниках (ЧИНЪ, ЛЕДЪ, ДАРЪ, СТАНЪ, САДЪ, ІАДЪ), 9 – более чем в 2, 43 – в одном или двух. Таким образом, уже в церковно-славянском этот класс отличался неустойчивостью. В современных же славянских языках он и вовсе исчез, оставив после себя, однако, ряд флексий, вошедших в парадигму тематических основ. Таковы: генитив на *-и* (польский, чешский, словацкий, украинский, белорусский, русский, словенский), датив *-ovi* (польский, чешский, словацкий, украинский), инструменталь *-imi*, которому соответствуют творительные падежи *-omi/-em* в западно- и восточнославянских языках, локатив *-и*, представленный во всех славянских языках, кроме болгарского и македонского (где нет такой граммы), вокатив *-и* (все славянские языки, кроме словацкого, русского, белорусского, словенского, где нет звательного падежа), также во множественном числе: номинатив *-ove* (западно- и южнославянские языки), генитив *-ovi* (все славянские языки, за исключением лишенных генитива болгарского и македонского), датив *-imi*, отразившийся в словацком *-om*, инструменталь *-imi* (словац. *-mi*), локатив *-ихи* (чеш. *-ech*, словац. *-och*). Причину такого распространения флексий склонения на **-и*, ряд которых является дублетами к исконным окончаниям тематических основ, автор видит в следующем. Большинство имен, присоединившихся к спряжению на **-и*, относятся к неактивным (неодушевленным), мерным (обозначающим субстанции, представленные как количество) и т.д. Для описания их взаимоотношений с тематическими автор использует категорию фигуры и фона. Эти понятия выстраиваются по следующей шкале: ФИГУРА > личность > человеческая сущность > сущность, подобная человеку > живот-

ное > дискретный исчисляемый конкретный объект > другие исчисляемые объекты > части объектов > коллективные объекты > местность > бестелесные и абстрактные объекты > ФОН. Соответственно категория ФИГУРЫ является немаркированной в дативе и локативе, а ФОН – в локативе. Не вдаваясь в подробности, заметим, что такое объяснение весьма удачно, так как оно хорошо выявляет разницу между так называемыми первым и вторым родительным и предложным падежом в русском языке [17]. В таких позициях, как *о лесе*, но *в лесу* разница между собственно предложным и местным падежом особенно наглядна. Так же четко различаются притяжательный генитив и генитив массы в паре *вкус меда – взять меду*.

Что же касается окончания датива *-ovi*, то история отдельных языков показывает, что эта флексия, напротив, характеризовала скорее имена, обозначавшие активные сущности (одушевленные и маскулинные). То же можно сказать и о номинативе мн.ч. *-ove*, генитиве *-ovi*. Последний в русском языке развился благодаря резкой семантической оппозиции номинатива ед.ч. и генитива мн.ч., при которой должна была быть устранена их грамматическая омонимия. Вследствие процессов выравнивания по аналогии флексия *-ov* стала характеризовать основы на твердые согласные, а *-ей* – на мягкие. (Замечу, что дубликаты типа *яблок – яблоков, сапог – сапогов* все же нуждаются в объяснении.)

Описание, предпринятое Л. Яндой, с точки зрения синхронии, в общем, безукоризненно. Историческая же часть требует определенных комментариев и уточнений. Прежде всего, единственным критерием отнесения имени к исконному **-и*-классу можно считать лишь внешние соответствия: ЧИНЪ – др. инд. *cinoti* “собирать”, МЕДЪ – др.-инд. *madhu*, греч. μέθυ (иногда древнюю основу сохраняют реликтовые формы: *и*-основу праслав. **medъ* сохранил композит **medv-edъ*, ср. др.-инд. *madhuv-ad*, дословно – “медо-ед”). Следовательно, наличие в этой парадигме таких имен, как ДАРЪ (греч. δῶρον), СТАНЪ (др.-инд. *sthāṇa* “место, расположение, поза”) свидетельствует о том, что в праславянском этот тип был не пережиточным, а, напротив, продуктивным. Следовательно, можно вести речь не столько об исчезновении склонения на **-и*, сколько о его контаминации с тематическим. Вообще, при слиянии двух грамматических единиц их показатели обычно исчезают бесследно, а распределяются по-новому. В праславянском аблатив слился с генитивом; формы типа КАМЕНЕ, СЫНОВЕ репрезентируют индоевропейские генитивы (ср. лит. *sunaiš*, *akmeñš*), а ВЛЪКА – аблатив (лат. *lupo*, др.-инд. *vrkād*). Поэтому наличие в тематическом склонении форм контаминировавшего с ним склонения